

И всё-таки, где же я?

Юноша, на вид совсем ещё подросток, сидел у подножия исполинской горы мусора. Одной рукой он упирался в землю, другой — медленно массировал виски, осторожно поворачивая затёкшую шею и озираясь по сторонам.

Короткие каштановые волосы в беспорядке рассыпались по лицу. Эта причёска, казавшаяся несколько старомодной, на удивление гармонировала с его юными чертами. Он внимательно изучал окрестности глубокими чёрными глазами, в которых, казалось, не было дна. Он мерно нажимал длинными, перепачканными кровью пальцами на пульсирующие вены у лба. Юноша нахмурился, не скрывая замешательства.

Кругом, насколько хватало глаз, тянулись зловонные горы хлама, источавшие невыносимый смрад. Это место совершенно не походило на роскошный отель, в котором он засыпал. Рядом на земле лежало изуродованное тело — и это тоже была вовсе не та благоухающая красавица, что делила с ним ложе перед сном... Пойдите-ка, а это ещё кто?

Превозмогая ломоту во всём теле — будто его только что пропустили через мясорубку — юноша с трудом поднялся. Шатаясь, он подошёл к лежащей неподалёку златовласой женщине. Перевернув её лицом вверх, он увидел во лбу аккуратную дыру, оставленную пулей. Остекленевшие изумрудные глаза всё ещё отражали застывший в них ужас.

— Какая жалость... — пробормотал он.

С истинно джентльменским изяществом он коснулся век незнакомки, помогая ей обрести покой. Про себя он отметил, что обходиться так грубо с дамами — сущее преступление. Юноша был законченным приверженцем эстетики: будь то ребёнок, женщина или мужчина, союзник или враг — если человек был красив, он неизменно проявлял к нему величайшую учтивость.

Несмотря на то, что он держал в руках уже начавшее коченеть тело, на его лице не отразилось ни тени страха или отвращения. Но когда он перевёл взгляд с лица покойницы на собственные руки, юноша замер.

Его пальцы должны были быть длинными, с чётко выраженными костяшками и наслоениями мозолей от многолетних упражнений с оружием. Те же ладони, что он видел перед собой сейчас, были заметно меньше. Мозоли на них располагались не только у основания пальцев, но и на запястьях, что выглядело крайне странно на фоне бледной, почти фарфоровой кожи.

Он поднял руку, сжал и разжал кулак. Он почувствовал, что пальцы послушались. Тогда юноша принялся рассматривать себя целиком. На нём была вовсе не шёлковая пижама, а странный чёрный костюм из неизвестного материала. Одежда пропиталась кровью и липла к телу, из-за чего навязчивый запах гари и гнили ощущался ещё острее. Фигура стала заметно изящнее, кожа — белее...

Это определённо было не его тело.

— Папа! — внезапный детский крик, полный слёз, заставил его вздрогнуть.

Юноша обернулся. Перед ним стоял ребёнок лет пяти-шести, поразительно похожий на погибшую женщину: те же золотистые волосы и огромные зелёные глаза. Мальчик не сводил с него пристального взгляда.

— Малыш, ты это кому? — спросил юноша.

Голос прозвучал совсем не так, как он привык. Вместо глубокого, бархатистого баритона — звонкий, юношеский альт, пускай и охрипший от жажды.

Юноша слегка нахмурился, заметив, что ребёнок испуганно отшатнулся. Осознав, что напугал кроху, он тут же смягчил взгляд и мягко улыбнулся:

— Милый, ты... звал меня?

— Улы... улыбается... — мальчик, казалось, разволновался ещё сильнее. Он яростно потрянул головой, его глаза покраснели от гнева и затаённой обиды. Ткнув пальцем в сторону мёртвой женщины, он выкрикнул: — Папа, они убили маму!

Папа? Мама?

Юноша перевёл взгляд с тела в своих руках на разгневанного ребёнка. Ситуация принимала... причудливый оборот. Сходство было очевидным — не оставалось сомнений, что женщина и мальчик были матерью и сыном. Но разве обычный пятилетний ребёнок, видя труп матери, не должен обливаться слезами? Почему в нём нет скорби, а только ярость?

И самое главное — почему он называет его отцом?!

Он мог поклясться, что видит эту даму впервые, да и познакомиться поближе уже не получится. Когда же он успел обзавестись пятилетним наследником?

— Малыш, напомни-ка, как тебя зовут? И как зовут меня? И что это за место?

Юноша привычно приподнял бровь, не снимая дежурной улыбки. Раз уж возникли вопросы, лучше прояснить их сразу.

Мальчик, опешив от череды непривычных улыбок, втянул голову в плечи. Он не сразу сообразил, что в вопросах кроется подвох, и честно ответил:

— Меня зовут Шалнарк. Ты мой папа Иэн. А это — Метеоритный город.

Метеоритный город?

Иэн опустил тело женщины на землю. Название не вызывало в памяти никаких ассоциаций — он не знал такого места. Похоже, разбираться с чужим телом и личностью придётся долго... Но прежде стоило разобраться с насущными проблемами.

Вокруг них начали сжиматься кольца людей, вооружённых самым разным хламом. Иэн инстинктивно задвинул Шалнарка себе за спину и, вежливо улыбнувшись незваным гостям, осведомился:

— Могу я узнать, чем обязан?

Нападавшие, судя по их лицам, были настроены враждебно, но улыбка Иэна подействовала на них странно — никто не решался подойти ближе. Главарь, потрясая оружием, выкрикнул:

— Иэн, хватит ломать комедию! Отдавай вещь, иначе будет хуже. Твоя баба уже сдохла, ты хочешь, чтобы и сопляк отправился следом?

— О... — Иэн лишь приподнял бровь, сохраняя на лице маску любезности.

Сказать ему было нечего — он понятия не имел, о какой «вещи» идёт речь. Чужая женщина и чужой ребёнок его не касались, но когда в его сторону полетел топор, тело среагировало само, пробуждая остатки боевых навыков.

Иэн почувствовал, как по коже разлилось тепло. Вокруг него на миг вспыхнуло тусклое серое сияние. Он даже не шевельнулся, но тот, кто бросил топор, вдруг взвыл от нечеловеческой боли. Его левая рука и нога, словно срезанные невидимой бритвой, отлетели в сторону. Удар был настолько стремительным, что кровь брызнула из обрубков лишь мгновение спустя, когда конечности уже упали на землю.

— Чёрт! Разве его Нэн не запечатали?!

— Уходим! С клинками Нэн Иэна шутки плохи!

Толпа рассеялась так же быстро, как и появилась.

Иэн равнодушно пожал плечами. Он неспешно подошёл к мужчине, который, лишившись конечностей, корчился в пыли, не в силах бежать. Присев рядом, юноша дружелюбно помахал рукой:

— Привет. Поговорим?

— А... А-а-а! — в глазах раненого мелькнуло сомнение, которое тут же сменилось диким ужасом.

Иэн не успел среагировать. Шалнарк, до этого прятавшийся за его спиной, выскочил вперёд. С глазами, полными ненависти, он принялся раз за разом вонзать кинжал в тело поверженного врага. Мальчик бил в жизненно важные органы, пока мужчина не затих навсегда. Только тогда он вытер окровавленное лезвие об одежду убитого и спрятал его за пояс, гордо взглянув на Иэна.

Иэн не испугался. Он лишь прикрыл рот ладонью и озадаченно нахмурился. Вид пятилетнего ребёнка, который с такой яростью и жестокостью расправляется с беспомощным врагом, вызвал у него искреннее недоумение.

— Папа, я отомстил за маму! — провозгласил мальчик, ожидая похвалы.

— М-да... Месть — это похвально, малыш, — отозвался Иэн. — Вот только у меня было к нему много вопросов.

Из-за ладони, которой Иэн прикрывал рот, видны были лишь нахмуренные брови. Шалнарк расценил это как недовольство. Видимо, вспомнив о чём-то страшном, ребёнок внезапно побледнел и вцепился в край одежды Иэна:

— Па-папа, если у тебя есть вопросы, спрашивай меня! Я на всё отвечу, честно!

Иэн замер, глядя на реакцию сына. С самого начала он заметил в Шалнарке эту странную смесь обожания и панического страха. Что за жизнь была у этого ребёнка? Неужели прежний владелец тела был тираном, истязавшим собственную плоть и кровь?

Иэн вздохнул. Он ласково погладил мальчика по золотистым волосам, стирая капли чужой крови с нежной щеки. Под его мягким взглядом ужас в изумрудных глазах Шалнарка сменился непониманием.

Иэн подхватил ребёнка на руки и зашагал прочь от гор мусора. Его внутренняя тяга к прекрасному снова дала о себе знать.

«Такой красивый ребёнок... В брызгах крови он выглядит как падший ангел. Как у кого-то могла подняться рука обидеть такую прелесть?»